

С.А. Кристиневич

sk.bseu@gmail.com

Белорусский государственный экономический университет, Беларусь

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ МАРЖИНАЛИСТСКОГО ПЕРИОДА, ИЛИ «ЗОЛОТОЙ ВЕК» МОДЕЛИРОВАНИЯ

В процессе развития экономической науки периодически актуализируется проблема легитимации научного знания. В статье рассмотрены дискурсивные практики и способы производства, используемые в экономической теории маржиналистского периода (1870-е гг. – наст. время).

Доминировавшие в экономической теории в конкретные исторические отрезки времени исследовательские программы существенно различались методологическими основаниями и задавали стандарты, методы и, до известной степени, ценностные ориентиры экономического анализа. Маржиналистская исследовательская программа состоит из конституирующей части, включающей неизменный набор допущений (принцип методологического индивидуализма, транзитивность и устойчивость предпочтений, равновесие и максимизация как способы описания экономических процессов и поведения экономических субъектов) и корректируемой части (принцип ограниченной рациональности, признание неполноты информации, оппортунизм как характеристика экономического поведения, возрастающее значение трансакционных издержек, допущение о неполноте спецификации и защиты прав собственности). Гносеологический аппарат данной программы, с одной стороны, учитывает достижения иных общественных наук. С другой

стороны, наблюдается неудовлетворенность исследователей узкими предметными рамками экономической теории, что заставляет их расширять границы экономического анализа и решать «проблему выбора» в неэкономических областях.

Возникновение «экономического империализма» как отдельного направления теоретико-экономических исследований нельзя назвать уникальным, поскольку случаи методологических притязаний на универсальность со стороны социальных наук широко известны: например, социологические экспансии Э. Дюркгейма, Р. Коллинза или панпсихологизм З. Фрейда. Реакция со стороны представителей других общественных наук на распространение экономической методологии за первоначальные пределы имеет широкий диапазон: от полного принятия [1] или поиска ее ограничений [2] до предостережений о «захвате и замене» фундаментальных положений смежных наук [3].

Использование экономического подхода в качестве инструмента познания реализуется в двух формах.

1. Эпистемическая экспансия — вторжение одной дисциплины в предметное поле другой. Примером могут служить работы Г. Беккера, показывающие, что экономический анализ, в основе которого лежит представление об имманентной рациональности поведения, может применяться к самым разным областям социальной жизни: от актов дискриминации на рабочем месте до выбора брачного партнера [4].

2. Эпистемическая интервенция — представляет собой «захват» и «присвоение» не чужого предметного поля, а чужого аксиоматического ядра. Теория рационального выбора не объясняет рациональность, она объясняет через рациональность [4].

Распространение практики объяснять через рациональность за традиционными границами предметного поля экономики наблюдается в праве, политологии, социологии, спорте, религии и других областях.

Так, *экономический анализ права* представлен тремя разными, но комплементарными направлениями исследований. Первое — связано с реализацией прогностической функции и предполагает использование экономического арсенала для оценки последствий принятия юридических правил. Второе — отдает преимущество нормативному анализу и ориентировано на определение эффективности юридических норм и выработку рекомендаций по их проектированию. Третье — получило развитие в рамках теории общественного выбора и объясняет, какими будут юридические правила.

Возникновение идеи применения теории рационального выбора в *социологии* связано с представителем социологического факультета Чикагского университета Дж. Коулменом. Рассматривая ценностно-нормативные элементы социальной системы, Дж. Коулмен дополняет свою теоретическую схему отношения обмена, к которым относит передачу прав контроля над индивидуальным поведением другому субъекту. Перераспределение контроля обуславливает наличие социальных норм и властных отношений, что приводит к возникновению социальных институтов. Последние позволяют направить деятельность индивидуальных акторов на достижение коллективного результата [5].

Применение экономического метода в *политологии* связано с работами Э. Даунса [6], который предложил концептуализацию демократии на основе рационального поведения политического агента, стремящегося к максимизации результата своей деятельности при наименьших затратах. Экономическая теория демократии активно использует теоретические модели микроэкономики: индивидуальный интерес, политика как форма обмена, конкуренция за голоса, упорядоченность предпочтений, полнота/неполнота информации т.д. Концепция Э. Даунса стала не только значимой частью сравнительной политологии, но и оказала существенное влияние на становление и развитие современной теории общественного выбора.

Применение экономической методологии на чужом предметном поле часто претендует на исключительность относительно иных возможных подходов к объяснению исследуемых явлений и процессов. Но в случае с *экономикой религии* [7] ситуация иная:

научный поиск, как правило, ведется без притязаний на эксклюзивность толкования феномена религиозного поведения.

Использование экономической аксиоматики к анализу религиозной сферы часто (не без основания) рассматривается как форма редукционизма, критикуется за прагматичный, утилитарный подход, отдающий приоритет рациональному поведению над ценностно ориентированным. Однако экономика религии ясно осознает свои эпистемические возможности и границы, предлагает уникальный язык, обогащающий междисциплинарную коммуникацию, задает новое социальное измерение, вскрывает действие экономических сил в религиозной области человеческой жизнедеятельности.

Безусловно, слияние идей, методологических подходов, техник анализа, используемых в описании религиозной сферы, происходит постепенно. Позиции экономистов здесь не так прочны, как, например, в политологии или праве. При этом экономика религии непрерывно интегрирует в себя как новые достижения и наработки, появляющиеся внутри экономической науки, так и тяготеет к использованию и адаптации исследовательских схем смежных наук.

Использование экономических инструментов познания в религиозной сфере носит не всеохватывающий, а скорее проблемно-ориентированный характер: можно говорить не об универсальности, а об контекстуальности экономического метода, который позволяет, как минимум, расширить рамки анализа и получить приращение нового знания.

Рассмотренные выше образцы применения маргинальных речевых практик позволяют сделать определенные выводы:

1. Используемые исследовательские техники иллюстрируют приверженность к формально-математическому моделированию. Модель становится ключевым способом отображения реальности в маргинальном анализе.

2. Маргиналистская методология становится гносеологическим маркером, позволяющим идентифицировать и разделять исследования на «экономические» и «неэкономические», а также выступает критерием «раскола» академического сообщества на «ортодоксов» и «неортодоксов».

3. Отличительной чертой маргиналистского периода является стремление к строгости в ущерб реалистичности. Манифестом этого тезиса стало известное среди экономистов-теоретиков эссе М. Фридмана, посвященное методологическим основаниям современной (маргиналистской) теоретической экономики [8]. Центральной идеей этого эссе выступает положение о допустимости нереалистичности исходных предпосылок, при условии, что создаваемая модель обладает объясняющей и прогностической функцией.

4. Стремление маргиналистов на начальном этапе приблизить стандарты научности в экономической теории к стандартам естественных наук (например, физики или биологии) постепенно трансформируются на протяжении XX века. Появляется новый образец подражания — математика. Так, обязательным атрибутом качественного исследования считается наличие в тексте изоцированной математической модели [9], которая выступает своего рода сигналом достоверности полученных результатов для академического сообщества. Попытка объяснить экономическую реальность с помощью оптимизационных и равновесных моделей дает основание для следующего вывода.

5. На начальном этапе (подражание естественнонаучным стандартам) маргиналистского периода для экономической теории характерна опора на корреспондентную концепцию истины и критерием качества модели было ее соответствие реальности. В последующем (подражание математике) происходит смена эпистемической модели на гибридную форму: частично используются когерентный и конвенциональный критерии, характерные для математики. Ключевым атрибутом научности в экономической теории становится логическая непротиворечивость, дополненная набором явных и неявных конвенций.

Литература

1. Цебелис Д. 1997. В защиту теории рационального выбора. Современная сравнительная политология: хрестоматия. М.: Московский научный общественный фонд.
2. Грин Д., Шапиро И. 1994. Объяснение политики с позиции теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? Политические исследования. № 3. С. 59—84.
3. Vaert P. 1998. *Social Theory in the 20th Century*. N.Y.: N.Y. Un-ty Press.
4. Вахштайн В. 2014. Эпистемические интервенции. URL <http://postnauka.ru/faq/27198>
5. Коулмен Дж. 2002. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора [Электронный ресурс] // Экономическая социология. Электронный журнал. Т.5 № 3 – С. 35—44 www.ecsoc.hse.ru
6. Downs A. 1957. *An economic theory of democracy*. New York: Harper and Row.
7. Воробьев, В.А., Кристиневич, С.А. 2016. Экономическая теория религии: контуры междисциплинарного взаимодействия. Белорусский экономический журнал. — № 2. — С. 68—81.
8. Friedman M. 1953. *Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Капелюшников Р.И. 2018. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 8—33.